

DOI: 10.63257/2072-4098.2025.287.8.005

Опасные связи: взаимосвязанные договоры в российском законодательстве и судебной практике

А.В. Мертвищев

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, заместитель директора юридического управления Уральского банка ПАО Сбербанк (г. Екатеринбург)

Антон Васильевич Мертвищев, avmertvishchev@gmail.com

Конструкция взаимосвязанных договоров появилась в середине XX века сначала в судебной практике, а в 1990–2000 годах была закреплена в национальных законодательствах европейских стран (например в параграфах 358–359а Германского гражданского уложения), актах унификации частного права и документах Евросоюза¹. Такая конструкция появилась в сфере розничной купли-продажи в целях защиты потребителя как слабой стороны договора в ситуации финансирования покупки за счет третьего лица. В определенный момент продавцы для увеличения продаж и дополнительного привлечения клиентов стали продавать товар в рассрочку, а затем для снижения издержек стали кредитовать покупателей не при помощи коммерческого кредита, а привлекая третьих лиц – в первую очередь банки, которых сами и предлагали потенциальному клиентам.

Взаимосвязанные договоры – это контракты, которые не были бы заключены один без другого. Поскольку покупатель берет кредит на приобретение конкретного товара без заключения договора купли-продажи, заемные средства потребителю

не нужны. Иными словами, стороны при заключении взаимосвязанных договоров преследуют общую (для обоих контрактов) экономическую цель², в результате чего договоры объективно образуют экономическое единство (*commercial unit*). Продавец знает о приобретении товара за счет заемных средств, более того, как было указано, он либо сам является кредитором, либо предлагает покупателю конкретную кредитную организацию. В последнем случае кредитор и продавец взаимосвязаны (потребитель зачастую вообще воспринимает их как единый субъект), между ними может быть корпоративная либо договорная связь (партнерские отношения). При этом возможна и юридическая связанность между самими контрактами (например взаимные (перекрестные) ссылки в договорах, указание на целевой характер кредита), однако этот признак вовсе не является обязательным.

Цель выделения конструкции взаимосвязанных обязательств (как, впрочем, и любой иной юридической конструкции) – создание особого правового режима. Взаимосвязанные сделки обладают единой юридической судьбой (этот правовой эф-

¹ Подробнее смотрите:

Гуна А.Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 55–61;

Батищев А.О. Доктрина связанных договоров в сфере потребительского кредитования // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М., 2019. Т. 3. С. 535–561.

² См. Батищев А.О. Указ соч. С. 532–533.

фект также называют «принципом домино»). Если основной договор признается недействительным, незаключенным или расторгается по не зависящим от покупателя причинам (в первую очередь это неисполнение договора купли-продажи или передача товара ненадлежащего качества), то потребитель вправе отказаться и от связанного с ним кредитного договора без каких-либо негативных для себя последствий. И это вполне обоснованно, поскольку наличие единой экономической цели у потребителя при заключении нескольких договоров предполагает, что прекращение или юридическое аннулирование одного из них делает бессмысленным (или, по меньшей мере, несправедливым) и сохранение второго. Кроме того, потребитель приобретает право на приостановление исполнения в связи с просрочкой по взаимосвязанному договору, а также на возражения против контрагента, вытекающие не только из договора, заключенного с ним, но и из взаимосвязанного договора³.

Таким образом, конструкция взаимосвязанных договоров серьезно подрывает принцип относительности обязательств. Отмечая, что по этой причине сфера применения такой конструкции достаточно узка, А.Н. Гуна пишет следующее: «скорее можно говорить об отдельных решениях, встречающихся в судебной практике, чем о системном подходе»⁴.

При этом в доктрине предпринимаются попытки расширить объем понятия «взаимосвязанные договоры», распространив

рассматриваемую конструкцию и на другие (кроме финансируемой покупки или услуги) отношения (субдоговоры, обратная аренда, выкупной лизинг, обеспечительные сделки, так называемые «реляционные» сделки и т. п.)⁵. Также имеются предложения о том, чтобы институционализировать нормы, регулирующие связанные контракты, перенеся их из положений о потребительской покупке или услуге в общую часть обязательственного права. Такой подход представляется достаточно перспективным. Действительно, можно привести достаточно примеров договорных конструкций, соответствующих главному (конститутивному) признаку взаимосвязанных договоров, – один из них не был бы заключен без другого. Однако при этом очевидно, что правовой режим перечисленных договоров может отличаться от правового режима финансируемых сделок, а значит, приведенные примеры реализации «принципа домино» при расширении перечня связанных контрактов не будут иметь абсолютный характер.

В России была предпринята попытка закрепить конструкцию связанных контрактов на законодательном уровне, однако соответствующие положения, подготовленные на основе Директивы 2008/48/EC⁶, в итоговый вариант проекта Закона о потребительском кредите⁷ не вошли⁸.

Между тем в связи с принятием Закона о потребительском кредите в ряд нормативных актов были внесены изменения⁹, и отдельные элементы режима взаимосвязанных договоров нашли отражение в пункте 6 статьи

³ См. Гуна А.Н. Указ. соч. С. 81–84.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Смотри:

Батищев А.О. Указ. соч. С. 530;

Гуна А.Н. Указ. соч. С. 73–80.

⁶ Директива 2008/122/ЕС Европейского парламента и Совета Евросоюза от 14 января 2009 года о защите потребителей относительно некоторых аспектов таймшера, долгосрочных туристских продуктов, договоров перепродажи и обмена. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008L0122>

⁷ Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».

⁸ Подробнее см. Батищев А.О. Указ. соч. С. 561–566.

⁹ Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 363-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)».

24 Закона о защите прав потребителей¹⁰, согласно которой потребителю позволяет связываться с продавцом проценты и платежи, уплаченные по кредитному договору в случае расторжения финансируемого договора в связи с передачей товара ненадлежащего качества¹¹. При этом все возникающие на практике проблемы эта норма, к сожалению, решить в полной мере не смогла¹².

Обогащают содержание конструкции взаимосвязанных договоров судебные акты, в которых вопрос связанных сделок обсуждается, помимо договора финансируемой покупки, в основном в контексте заключения одновременно с кредитным договором договора страхования жизни и здоровья заемщика.

Условно можно выделить два этапа формирования правоприменительной практики по этому вопросу.

На первом этапе судами обсуждалась проблема навязывания страхования при заключении кредитных договоров, а именно обсуждалось действие пункта 2 статьи 16 Закона о защите прав потребителей, запрещающего обуславливать предоставление одних услуг обязательным предоставлением других услуг. Подробно не останавливаясь на истории развития подходов судов к обозначенному вопросу, следует отметить, что в конечном итоге Верховный Суд Российской Федерации сделал вывод о том, что сама по себе подобная конструкция

вполне допустима, если банк не использует недобросовестные практики продажи этой услуги (например безальтернативное подключение услуги страхования при выдаче кредита, обман или введение потребителя в заблуждение относительно условий страхования и кредитования или требование о страховании у конкретного страховщика)¹³.

На втором этапе суды обсуждали вопрос о возможности возврата суммы страховой премии (в том числе при досрочном погашении кредита). Практика отличалась в зависимости от формулировок договоров страхования (например уменьшается ли размер страховой суммы пропорционально остатку задолженности по кредитному договору). При этом Верховный Суд Российской Федерации признал, что в договоре страхования может содержаться условие о том, что страховая сумма не подлежит возврату¹⁴.

Нетрудно заметить, что при решении обеих проблем (и навязывание страховки, и возврат суммы страховой премии) суды вплотную подошли к вопросу взаимосвязанности договоров кредита и страхования (хотя и не артикулировали проблему подобным образом). При этом во втором случае итоговое решение (подлежит ли пропорциональному возврату страховая премия в случае досрочного погашения кредита) вполне могло бы быть обосновано именно через конструкцию связанных контрактов. Одна-

¹⁰ Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей».

¹¹ См. Иванов О.М., Щербакова М.А. Комментарий к Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)». М., 2014. С. 75–76.

¹² Критику действующего регулирования см. Батищев А.О. Указ. соч. С. 566–567.

¹³ Смотри:

пункт 8 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 года № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров»;

пункты 4.1, 4.2 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 года;

Обзор практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 июня 2019 года.

¹⁴ См. определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2018 № 35-КГ17-14, от 13.02.2018 № 44-КГ17-22, от 28.08.2018 № 44-КГ18-8, пункт 7 Обзора практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита.

ко судами вопрос так поставлен не был, а затем он был решен на законодательном уровне с использованием иных правовых категорий. В Закон о потребительском кредите (см. часть 12 статьи 11) была включена норма, согласно которой страховая премия возвращается страхователю пропорционально времени, оставшемуся до окончания договора страхования, в случае если договор страхования заключен в обеспечение кредитного договора¹⁵. При этом договор страхования определяется законодателем как заключенный в целях обеспечения исполнения обязательств заемщика по договору потребительского кредита в следующих случаях:

- если он влияет на условия кредитного договора (срок и полная стоимость кредита);
- если выгодоприобретателем по договору страхования является кредитор;
- если страховая сумма зависит от размера задолженности по кредиту (см. часть 2.4 статьи 7 Закона о потребительском кредите).

Критерий обеспечительной цели договора страхования, использованный в указанной норме, был подвергнут обоснованной критике в литературе¹⁶. Действительно, возможность квалификации договора страхования как обеспечительной конструкции (необходимыми атрибутами которой являются обеспечительная цель и акцессорность) может вызывать сомнение, поскольку страхование не соответствует большинству признаков акцессорности. В частности, выплата банку может проводиться вне зависимости от того, находится ли должник в просрочке, а значит, в этом случае *акцессорность осуществления обеспечительных прав* не действует. Синхронизация договоров кредита и страхования по сроку и сумме сама по себе также не

указывает на обеспечительный характер страхования, например в случае когда после погашения кредита выгодоприобретателем становится должник (то есть не работает *акцессорность прекращения* – при прекращении кредитного обязательства обязательство из договора страхования продолжает действовать).

Наконец, заслуживает внимания аргумент о принципиальной невозможности наличия обеспечительной цели договора личного страхования¹⁷, к которому должен быть отнесен договор страхования жизни и здоровья.

Возможно, проблема сошла бы на нет, если бы в России признавалась возможность страхования договорной ответственности по кредитному договору, так как страхование жизни и здоровья заемщика практически всегда – это страхование риска невозврата им кредита в случае смерти или утраты трудоспособности. Но пока действующие нормы законодательства страхование договорной ответственности по кредитному договору не предусматривают. В связи с этим можно использовать иные аргументы в пользу принятого решения о необходимости возврата части суммы страховой премии при досрочном возврате кредита.

Несмотря на достаточно казуистичное описание характеристик обеспечительного договора страхования в части 2.4 статьи 7 Закона о потребительском кредите, нетрудно заметить, что они, безусловно, определяют договоры кредита и страхования как *связанные*, поскольку свидетельствуют о наличии у обоих договоров единой экономической цели (возврат кредитных средств). А конструкция взаимосвязанных договоров, в свою очередь, как раз позволяет обосновать общую юридическую судьбу кредитного договора и договора страхования

¹⁵ См. Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 483-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

¹⁶ См., например, Архипова А.Г. Является ли страхование способом обеспечения обязательств? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 65–87.

¹⁷ Там же. С. 74–75.

жизни и здоровья заемщика (упомянутый «принцип домино»)¹⁸.

К конструкции взаимосвязанных договоров (на этот раз непосредственно используя этот термин) обратился Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 3 апреля 2023 года № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» (далее – Постановление № 14-П).

В этом деле Конституционный Суд рассматривал вопрос о законности условий о так называемых возвратных скидках автодилеров, а именно соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения статьи 428 ГК РФ, в которых предусматривается возможность включения таких условий в договоры купли-продажи. Фабула дела достаточно типична. Гражданин приобрел в автосалоне автомобиль со скидкой, которая была предоставлена ему под условием приобретения дополнительных услуг у партнеров автодилера – поскольку машина приобреталась в кредит, покупатель должен был оформить договор страхования жизни и здоровья. Досрочно погасив кредит, он отказался от страховки (при этом сумма страховой премии была возвращена страховщиком пропорционально оставшемуся сроку). После этого автодилер обратился к потребителю с иском о взыскании предоставленной скидки (условие о возврате скидки в полном объеме при отказе от страхования было непосредственно предусмотрено договором), и суды всех инстанций приняли сторону продавца. Однако Конституционный Суд Российской Федерации поддержал потребителя. Выводы, содержащиеся в Постановлении № 14-П, ни в коем случае не легализуют потребительский экстремизм, позволяя покупателям пользоваться скидками, предоставляемы-

ми продавцами, а затем отказываться от принятых на себя обязательств, как могло бы показаться на первый взгляд. Напротив, как представляется, Конституционный Суд достаточно точно установил разумный баланс интересов участников таких отношений, указав, с одной стороны, на необходимость обеспечения базовых гарантий потребителя как слабой стороны, а с другой – на необходимость компенсации имущественных потерь продавца в случае досрочного и одностороннего прекращения договоров, связанных с договором купли-продажи.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что обусловить скидку дополнительными услугами можно – это нормальная бизнес-практика, вполне допускаемая действующими нормами законодательства. Однако у потребителя должна быть альтернатива: либо приобрести товар за полную стоимость, либо со скидкой, но с дополнительными услугами. Соответственно, при отказе потребителя от дополнительных услуг продавец получает право на компенсацию скидки, которая была предоставлена покупателю. При этом речь идет именно о компенсации. В частности, в ситуации, когда дополнительная услуга заключалась в личном страховании покупателя на период действия кредитного договора, скидка подлежит возмещению не полностью, а пропорционально сумме возвращенной страховой премии, так как корреляция между ними очевидна. Если же продавец действует недобросовестно, не предоставляя потребителю альтернативу, манипулируя ценой (например если цена дополнительных услуг или цена товара без скидки превышает рыночные аналоги), предоставляя недостоверную информацию (цена противоречит рекламе или данным на сайте продавца и т. п.), то он вообще утрачивает право на возврат предоставленной скидки.

¹⁸ О возможности рассмотрения кредитного договора и договора страхования жизни в качестве связанных сделок см. Архипова А.Г. Банк, страховщик, наследники заемщика: бермудский треугольник? Комментарий к Определениям Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 2 февраля 2021 года № 18-КГ20-109-К4, от 25 мая 2021 года № 49-КГ21-14-К6, от 9 ноября 2021 года № 59-КГ21-6-К9 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 6. С. 7–24.

Конструкция взаимосвязанных договоров была использована Конституционным Судом как при решении вопроса о возврате суммы скидки, так и для описания содержания права потребителя на информацию. Суд указал, что потребитель должен быть проинформирован о том, что заключаемые с ним договоры являются взаимосвязанными. Кроме того, предприниматель не может размывать цену между взаимосвязанными договорами, поскольку это усложняет процесс возврата потребителем своих средств. Потребитель должен видеть, как все заключаемые с ним договоры влияют на цену, осознавать совокупный размер своих расходов по всем связанным сделкам.

Правовая позиция, закрепленная в Постановлении № 14-П, нашла отражение и в практике Верховного Суда Российской Федерации – Судебной коллегией по гражданским делам был принят ряд определений по спорам о взыскании возвратных скидок¹⁹, одно из которых затем было включено в пункт 12 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей²⁰.

Указанные судебные акты должны позитивно повлиять на практику заключения договоров компаниями-автодилерами, способствовать обеспечению базовых прав потребителя, в первую очередь права на информацию. Кроме того, сделан еще один небольшой шаг к формированию правового режима взаимосвязанных договоров в российском праве.

Автор благодарит доцента кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, кандидата юридических наук А.С. Васильева за предложение выступить на секции «Гражданское (неторго-

вое) право – форма организации имущественной и личной жизни человека» на XVII сессии Европейско-Азиатского правового конгресса и идею для темы выступления, тезисы которого стали основой для настоящей статьи.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ *

1. Гуна А. Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 55–61.

2. Батищев А. О. Доктрина связанных договоров в сфере потребительского кредитования // Договоры и обязательства : сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / сост. и отв. ред. А. В. Егоров. М., 2019. Т. 3. С. 530–585.

3. Директива 2008/122/ЕС Европейского парламента и Совета Евросоюза от 14 января 2009 года о защите потребителей относительно некоторых аспектов таймшера, долгосрочных туристских продуктов, договоров перепродажи и обмена. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008L0122> (дата обращения: 13.07.2024).

4. О потребительском кредите (займе) : Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» : Федеральный закон от

¹⁹ См определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.06.2023 № 41-КГ22-52-К4, от 13.06.2023 № 43-КГ23-4-К6, от 26.12.2023 № 18-КГ23-186-К4, от 16.01.2024 № 16-КГ23-66-К4, от 23.01.2024 № 49-КГ23-21-К6.

²⁰ См. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 октября 2023 года.

* Также в статье и соответствующих сносках автором приведены дела, рассмотренные судами высших инстанций, доступ к которым, а также к указанным в перечне документам можно получить из любой поисковой системы.

21 декабря 2013 года № 363-ФЗ.

6. О защите прав потребителей : Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1.

7. Иванов О. М., Щербакова М. А. Комментарий к Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)». М., 2014. С. 75–76.

8. Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 года № 146.

9. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 года.

10. Обзор практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 июня 2019 года.

11. О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» : Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 483-ФЗ.

12. Архипова А. Г. Является ли страхование способом обеспечения обязательств? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 65–87.

13. Архипова А. Г. Банк, страховщик, наследники заемщика: бermудский треугольник? Комментарий к Определениям Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 2 февраля 2021 года № 18-КГ20-109-К4, от 25 мая 2021 года № 49-КГ21-14-К6, от 9 ноября 2021 года № 59-КГ21-6-К9 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 6. С. 7–24.

14. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2023 года № 14-П.

15. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 октября 2023 года.